

УДК 82-43

DOI: 10.31040/2222-8349-2020-0-2-110-112

«ШУМИТ, НЕ УМОЛКАЯ, ПАМЯТЬ-ДОЖДЬ ...»

Осенью 2017 г. состоялись выборы президента Российской академии наук. Это большое событие в жизни российской науки. Роль и значение президента АН СССР и РАН всегда были значимы в нашей стране. С.И. Вавилов, М.С. Келдыш, А.П. Александров... Какие имена! Они поднимают престиж науки и ее привлекательность, важны и для общества, и для властей.

Примечательно, что указанные президенты, прошедшие процедуру выборов в установленном порядке, были практически назначены руководством страны. А последние два раза выборы президента РАН, действительно демократические, без вмешательства властей, привели к тому, что Ж.И. Алферов и Р.И. Нигматулин не были избраны. Мое личное мнение состоит в том, что они могли бы более успешно вести дела в наше очень сложное время. Имеющие по натуре высокие бойцовские качества, они могли бы лучше противостоять тем разрушениям, которым подверглась наука в России действиями ее властей.

В связи с этим любопытно отметить, что в книге «Стив Джобс. Уроки лидерства» (2012) утверждается, что «демократия не обеспечивает создание первоклассных продуктов – для этого нужен компетентный тиран». (Благодаря С. Джобсу фирма Apple стала выпускать продукцию, изменившую жизнь людей в мире.)

Следует отметить, что оба раза выборная кампания велась совершенно свободно, без ограничений. Каждый кандидат имел возможность представить свою программу, выступить в СМИ. Велось широкое обсуждение этих программ. В частности, было опубликовано интервью Р.И. Нигматулина писателю В.С. Губареву. Для того чтобы больше отразить его деятельность в период работы в Уфе, было разослано выборщикам мое мнение. Я получил отклики от членов РАН. Многие из них мне были незнакомы (из других отделений РАН). Среди них были нелестные утверждения о показательности представленных программ. Мы уже знали о программах-однодневках, о фантастических, нереализуемых, особенно в условиях России.

Вспоминается предвыборная кампания в республиканский парламент в мою бытность в Казани. Мой знакомый, имевший строительный бизнес, попросил, чтобы сотрудники моей лаборатории распространили его программу среди избирателей. Но так, чтобы для каждого квартала города были строго разные программы, учитывающие интересы жителей. В одном – в течение месяца после выборов отремонтируют подъезды домов, в другом – приведут в порядок двор, где-то – построят подземный переход. При встрече с уже избранным депутатом спрашиваю, как идут строительные дела в кварталах. Ответ: Я и не думал что-либо делать, у меня таких возможностей нет, все так поступают.

Вот что такое программа у нас. По-видимому, важнее, какой человек. Конечно, названные выше президенты АН СССР не представляли программы. О них судили по их делам и человеческим качествам.

В приведенном ниже тексте сделана такая попытка, хотя трудно на двух страницах (больше объем не дочитают) отразить убедительно, что хотелось сказать.

**Один комментарий
к интервью академика Р.И. Нигматулина
писателю В.С. Губареву:**

При ознакомлении с интервью кандидата в президенты РАН Р.И. Нигматулина, где есть упоминание о его работе в Башкирии, вспомнились мне давно минувшие годы и события, когда я был его заместителем как в Уфимском научном центре РАН, так и в Академии наук республики.

К региональным академиям наук, которые созданы лишь в трех самых сильных республиках (Башкирия, Татария, Якутия), отношение членов РАН неоднозначное. Поэтому несколько слов о них.

Когда в стране все рухнуло, отраслевые институты, эти связующие звенья между наукой и экономикой, остались без учредителей и заказов. Создание академий за счет бюджета республик спасло их от исчезновения (не все), что произошло в других регионах. У нас крупные институты нефтепереработки, гербици-

дов и регуляторов растений с опытным заводом, сельского хозяйства, глазных болезней и т.д. до сих пор успешно работают. Институт нефтехимии и катализа позже был передан в РАН (ныне лучший институт в составе УФИЦ РАН), а единственный в стране Институт трубопроводного транспорта перешел в ведение объединения «Транснефть».

Более того, республиканская академия в девяностые годы финансировала Ботанический сад-институт, библиотеку, поликлинику, аспирантуру Уфимского научного центра РАН, погашала коммунальные расходы ее институтов, проводила ремонт зданий и т.д. Так что РАН должна быть благодарна местной академии за то, что в трудное время она сильно помогла сохранить ее институты.

Им помогло также грантовое финансирование исследований за счет республики, которое у нас появилось раньше, чем в РАН. За счет них было начато несколько новых направлений, в том числе комплексных исследований. Например, группа специалистов по геологии, почвоведению, подземным водам, ботанике, генетике, медицине провела исследования в районах республики, примыкающих к Челябинской области. В них были приняты рекомендации этой группы, какие зерновые культивировать, из каких глубин брать воду и т.д. Было установлено, что здесь нет радиоактивного заражения вследствие аварии на комбинате «Маяк», находящемся недалеко, а характерные болезни связаны с тем, что эти места когда-то были дном океана с его отложениями. Люди говорили, что уже одно это обстоятельство важно для них, живших десятилетия в убеждении о влиянии той аварии.

Все это стало возможным благодаря деятельности Р.И. Нигматулина и поддержки его со стороны руководства республики. Об этом периоде можно сказать много поучительного. Отмечу лишь следующее, что характерно для Р.И. Нигматулина:

1. Умение организовать работу институтов, координацию исследований. С шестидесятих годов много говорили о важности более тесного взаимодействия вузовской, отраслевой и академической науки, высшего образования. Такое взаимодействие у нас практически было реализовано. Многие сотрудники вузов были привлечены на работу в академические институты на 0.5 и 0.25 ставки, в них открывались кафедры вузов. Сотрудники этих институтов

активно занимались преподавательской работой. Например, все научные сотрудники Института механики вели работу и в вузах. В указанном выше комплексном исследовании участвовали сотрудники вузов и академических институтов. На объединенных заседаниях президиумов Уфимского научного центра РАН и АН республики обсуждали научные доклады, отчеты и планы исследований. В них принимали участие ректоры и многие сотрудники вузов. Был какой-то локальный подъем, хорошее настроение, хотя в стране, в том числе в РАН – упадок и уныние.

2. Демократичность и внимание к сотрудникам. Люди к нему шли и шли, причем до глубокой ночи. Он обстоятельно говорил со всеми. Одним хотелось рассказать о своих научных результатах, другим – обсудить планы на будущее, третьим – попросить помощи в решении жизненных вопросов. Например, приобрелось жилье для особо нуждающихся ученых путем складывания средств Уфимского научного центра РАН, Академии наук республики, института, в котором он работал, и собственных средств (где такое еще было?).

3. Умение говорить с властями, убеждать их. Конечно, ничего, о чем сказано выше, не могло быть реализовано без активной поддержки тогдашнего президента республики М.Г. Рахимова. А ведь в начале он не очень-то поддерживал все эти начинания. Повлиять на решение, убедить в чем-то человека, жесткий командный стиль работы которого сложился при руководстве нефтехимическим гигантом с технологическими процессами высокой опасности, крепкого хозяйственника, было вовсе не просто. Но Р.И. Нигматулину это удавалось. Возможно, имело значение и чисто человеческое обаяние¹.

¹ Выдающемуся ученому Х.А. Рахматулину, учителю Роберта Искандеровича, принадлежит фраза «Роберт, в тебе все же что-то есть». Однажды мы с Р.И. где-то были. Нас угощали чаем с изюмом. Р.И. с юмором рассказал, как они с Халилом Ахмедовичем сели в поезд, чтобы ехать для участия в летней школе, которую я организовал в 1975 г. на базе отдыха на берегу Волги недалеко от Казани. Когда поезд тронулся, как всегда подали чай с сахаром. Р.И. достал из портфеля изюм. Халилу Ахмедовичу, выросшему в Средней Азии, это очень понравилось, и он произнес эту фразу.

В целом деятельность его была весьма успешной. И у нас оставил он, москвич, один из детей Арбата, хорошую память о себе. Годы жизни и работы в Башкирии, людей, многие из которых уже ушли из жизни, Роберт Искандерович вспоминает с большой теплотой в статье «Мои тринадцать башкирских лет» (Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 2), которую он заканчивает строками Давида Самойлова:

*Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит ...
Шумит, не умолкая, память-дождь
И память-снег летит и пасть не может.*

Да, те годы... Они остались в памяти как самое динамичное, плодотворное время. Во всей стране обстановка девяностых, а у нас в республике подъем науки, постановка новых научных проблем, горячее обсуждение их, хорошее настроение. Эпоха в развитии науки в республике!

Многие наши коллеги активно участвовали в общественной жизни. Уделялось большое внимание изучению социально-экономического развития. Например, устраивались выездные заседания объединенного президиума АН РБ и УНЦ РАН в Северо-Восточном регионе (с. Устьикинск), Южном регионе (г. Сибай), в Западном регионе (г. Октябрьский) с участием глав районов и представителей республиканских властей. Чего стоит работа Роберта Искандеровича и всех нас по выборам его в Государственную Думу (1999 г.), подготовка и проведение международной конференции и юбилейных мероприятий, посвященных его 60-летию! Торжественное заседание прошло в оперном театре с участием всего руководства республики и гостей из разных стран и городов России.

В период организации Академии наук РБ и позже мы тесно общались и работали вместе с такими выдающимися учеными, как геологи А.А. Трофимук, А.Л. Яншин, механики А.А. Ильюшин, О.А. Кайбышев, Р.Р. Мавлютов,

А.Х. Мирзаджанзаде, хирург Н.Г. Гатауллин, геолог М.А. Камалетдинов, химики Р.Н. Гимаев, К.С. Минскер, историк Р.Г. Кузеев, биолог Н.В. Старова, филолог З.Г. Ураксин, выдающиеся деятели культуры М. Карим, З. Исмагилов, А. Лутфуллин... Здесь названы ушедшие из жизни наши коллеги (не все).

Конечно, не все было гладко, даже далеко не гладко. Велась острая борьба по вопросам организации науки, о роли Академии наук РБ. Остро стоял вопрос, как должны взаимодействовать АН РБ и Уфимский научный центр РАН. Некоторое время преобладала тенденция о полном их объединении. Шли горячие споры о направлении исследований в АН РБ, об институтах и их финансировании, по выборам руководства, членов АН РБ.

Было много мнений не только по этим организационным делам. Острые обсуждения велись по научным вопросам. Например, по нефтяной геологии Урала, модели макроэкономики, по пузырьковой кумуляции энергии, концепции национальной автономии в республике, о семитомной Башкирской энциклопедии и т.д.

Было бы правильно, если бы этот опыт организации исследований и разработок стал предметом исследований историков науки, стал темой их монографий и диссертаций. Что было тогда, достойно даже художественного повествования. Для этого было все: добро и зло, положительные и отрицательные персонажи, приобретения и потери, радости и огорчения, создание системы, о чем говорилось выше, и ее драматическое разрушение, которое привело к дезинтеграции научного сообщества.

Несмотря на все плюсы и минусы, когда вспоминаешь эти годы, они окрашены в необыкновенно светлые тона. Хотя нельзя сказать «как молоды мы были, как верили в себя», тем не менее были полны сил. Еще все были живы.

Далекое близкое.

*М.А. ИЛЬГАМОВ,
чл.-корр. РАН*

«NOISY, NOT CEASING, MEMORY-RAIN ...»

© М.А. Ilgamov

Bashkir State University,
32, ulitsa Zaki Validi, 450076, Ufa, Russian Federation

Mavlyutov Institute of Mechanics, Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
71, prospekt Oktybrya, 450054, Ufa, Russian Federation